

ПРОФ. Н. П. РУТКЕВИЧ

ПОКРОВСКИЙ О ВОЗНИКНОВЕНИИ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Настоящая статья ставит задачей:

1) проследить эволюцию взглядов М. Н. Покровского на происхождение мировой войны и

2) показать их несоответствие единственной верной концепции истории возникновения войны, данной в гениальных статьях В. И. Ленина и полностью подтвержденной всеми документальными материалами, опубликованными за истекшие годы.

Анализ взглядов Покровского значительно затруднен тем обстоятельством, что сами эти взгляды существенно изменялись на протяжении более чем пятнадцатилетнего срока, к которому относятся разновременные статьи М. Н. Покровского о войне. М. Н. Покровский ни разу не свел всех своих высказываний о войне в единое целое: они разбросаны в целом ряде статей, из которых многие в ряде пунктов противоречат одна другой.

Однако, в общем можно установить у М. Н. Покровского две основные концепции в вопросе о происхождении войны. Первая из этих концепций относится еще к 1915 году и наиболее полно выражена в реферате „Виновники войны“, прочитанном в Парижском клубе интернационалистов. Из того, что М. Н. Покровский, хотя и с некоторым изменениями и сокращениями, напечатал этот реферат в 1919 году, видно, что он продолжал и в эту пору придерживаться высказанных в нем взглядов.

Вторая его концепция происхождения войны, во многих чертах, на первый взгляд, прямо противоположная прежней, но, в действительности, внутренне связанная с ней, начала складываться у М. Н. Покровского к 1923 году. Она полностью раскрыта Покровским в статьях, посвященных десятилетию войны: „Происхождение и характер войны“¹, „Как возникла мировая война“, „Как готовилась война“ и других. В дальнейших статьях Покровский лишь пополнял и усиливал новыми аргументами те взгляды, которые он высказал в 1924—1926 гг.

¹ Сборник „Империалистическая война“, Соц.-эк. гос. издат., 1934 г.

В основу первоначальной концепции М. Н. Покровского положена та мысль, что корни мировой войны следует искать не на Западе, а на Востоке, не в противоречиях между передовыми империалистическими державами (Англией и Германией, Германией и Францией), а в противоречиях между самыми реакционными классами общества в России и Германии: русскими помещиками и прусским юнкерством, а также в историческом стремлении русского царизма к обладанию Константинополем и проливами.

Аргументируя эту мысль, Покровский пытался доказать (в полном противоречии со всеми широко известными уже и в ту пору фактами), что Германия, с ее бурно растущей промышленностью, не была в начале XX века заинтересована в территориальных захватах. Ей нужно было не расширение „хозяйственной территории“, не создание новых таможенных стен, а напротив — „сокращение всяких таможенных границ и открытые двери повсюду“. В соответствии с этим, по голословному утверждению Покровского, германская внешняя политика носила мирный характер и это выразилось в поведении Германии во время международных кризисов в 1906, 1911 и 1913 г. „Германия, — пишет Покровский, — не только сама не стремилась к завоеваниям, но и мешала делать их своей гораздо более драчливой союзнице — Австро-Венгрии“. ¹ Только под влиянием агрессивных планов Антанты Германия изменила свою политику и активно поддержала Австро-Венгрию в австро-сербском конфликте 1914 г., вызвавшем общеввропейскую войну. „Германия отнюдь не стремилась к максимальному расширению своей территории: она начала войну только потому, что думала (правильно или нет — для нас сейчас не интересно), что на нее хотят напасть“, — так резюмировал Покровский в 1915 году свои выводы относительно роли Германии в возникновении войны.

Влиятельные круги французских капиталистов тоже, по мнению Покровского, не были заинтересованы в войне. Некоторое ускорение темпов развития французской тяжелой промышленности, наметившееся в последние годы перед войной, рождало, по его словам, тенденции к сближению с Германией: французской металлургии нужен был ввоз германского угля; кроме того, она опасалась в случае войны, за участь пограничных округов Лонгви и Бриэ — центров добывания железной руды во Франции. Покровский не отрицал существование во Франции шовинистически настроенных кругов, к ним он причислял в первую очередь мелких торговцев и промышленников, производителей так называемых „articles de Paris“, которым угрожала германская конкуренция. Но, конечно, эти мелкобуржуазные слои не были достаточно влиятельны, чтобы вызвать мировую войну.

¹ Покровский, Империалистическая война, ст. „Винновники войны“ стр. 71, по изд. 1934 г.

Покровский идет дальше в своих произвольных утверждениях: между Англией и Германией, — „доказывает“ он, — тоже не существовало никаких действительных противоречий. Промышленное соперничество между ними не приводило к обострению международных отношений; опасения за Индию, возникшие в Англии в связи с проведением Багдадской ж. д., Покровский считает не соответствующими реальной обстановке и искусственно раздутыми в целях увеличения роли реакционной военщины во внутренних отношениях. Но если так, если, по мнению Покровского, развитие промышленности в эпоху монополистического капитализма не только не ведет к конфликтам, а, напротив, сближает между собой интересы влиятельнейших слоев буржуазии в передовых капиталистических странах, — кто же тогда является виновником войны?

Покровский находит ответ: самый реакционный класс наиболее реакционной из европейских стран — русские помещики — вот кто действительный виновник войны. Два ряда причин толкали, по его мнению, Россию на путь вооруженной борьбы: 1) германская тарифная политика, затруднявшая ввоз русской ржи в Германию;¹ 2) стремление России к захвату Босфора и Дарданелл. В последнем, как и в первом, были заинтересованы, в первую очередь, русские помещики. „Держа в руках Босфор и Дарданеллы, — пишет Покровский, — ничего не стоит зажать в кулак не только Румынию или Болгарию (Сербия уже сидит в нем — и по иным причинам), а и Венгрию, в любой момент отрезав дешевый водный путь их пшенице на Запад“. С обладанием Константинополем связано господство над всей Юго-Восточной Европой, — „и это будет господство, прежде всего, именно русского помещика — русский мануфактурист придет туда лишь вслед за ним“ („Имп. война“, стр. 82).

Русские помещики, — продолжает развивать свою мысль Покровский, — увлекли за собой французских ростовщиков. Французские кредиты, предоставленные царской России, обусловили не независимость русской политики от западно-европейского капитализма, а, наоборот, зависимость французского ростовщического капитализма от воинствующей политики царизма. Как некогда в средние века, — пишет Покровский, — так и в 1914 г. рыцарь повлек за собой ростовщика на военное предприятие угрозой не вернуть иначе занятые деньги. „Пятнадцать миллиардов французских денег, помещенных в предприятии, именуемом русским царизмом, обязывали, — но не царизм, — считаться с мнением французского народа, а этот последний беспрекословно подчиняться интересам царизма“.²

За Ламаншем английское „юнкерство“ (так называет Покровский английских консерваторов) поддерживало военные планы,

¹ Оперирова преимущественно данными падающего вывоза русской ржи в Германию и падения цен на хлеб на мировом рынке в 1911 г., Покровский доходит до такого неверного, но характерного для его методологии утверждения: „Россия была готова воевать и воюет теперь из-за одних только хлебных пошлин“, „Имп. война“, стр. 93.

² „Имп. война“, стр. 86.

инициатором которых был царизм. Им нужна была угроза войны, чтобы военными методами разгромить бурно поднимавшееся в предвоенные годы рабочее движение. Так родилась война.

В этой первоначальной концепции возникновения войны, созданной Покровским в 1915 г., все действительные отношения существовавшие между империалистическими странами во время довоенного империализма, совершенно извращены и поставлены на голову; противоречия с фактами настолько бросаются в глаза, что нет надобности на них долго останавливаться тем более, что от ряда утверждений 1915 года сам Покровский впоследствии отказался. Существенный интерес для историка представляет другой вопрос: как, в какой исторической ситуации, под влиянием каких побуждений была создана подобная явно неверная концепция, совершенно игнорирующая роль монополистического капитализма в вызвавшей войну, борьбе за передел мира, концепция, изображающая самую активную, самую хищническую из империалистических держав — Германию — в роли невинной жертвы, принужденной защищать возможность своего промышленного развития от нападения агрессивных соседей.

Ответ бросается в глаза. Покровский писал свою статью в Париже в 1915 году. Русские и французские предатели социализма, с пеной у рта доказывали, что Германия является единственным виновником мировой бойни, доказывали чисто оборонительный характер войны со стороны России, Франции и Англии, заявляли о „великих прогрессивных“ целях этой „последней“ войны. Эту ложь надо было разоблачить, надо было показать действительную, реакционную империалистическую природу войны 1914—1918 гг., показать, что обе стороны являются виновниками ее возникновения. Эта великая задача была полностью исчерпана в гениальных статьях В. И. Ленина этого периода. За нее попробовал взяться Покровский. Он не опирался при том на научное ленинское понимание сущности монополистического капитализма и порожденных им тенденций к обостренной борьбе за передел мира, он совершенно игнорировал действительные факты и документы, подходил к вопросу априорно, оперируя только излюбленными им данными о движении хлебных цен и хлебного вывоза. В результате получилась неправдоподобная абстрактная схема: до колоссальных размеров выросла фигура русского помещика и совершенно закрыла собой все действительные отношения. Покровский не понял того коренного изменения международного положения, которые произошли во второй период новой истории (1871—1914—1918): превращения царской России в резерв западного империализма.

И, самое важное, — пренебрежение исторической правдой повлекло за собой и полное искажение политической задачи статей Покровского 1915 г. Стремясь разоблачить русское и французское оборончество, Покровский, извращая роль Германии в возникновении войны, лил воду на мельницу германских социалистических империалистов того времени. Он, по другую сторону границы,

поддерживал Шейдеманов, Носке и прочих предателей социализма, обманывавших немецкие рабочие массы ложью о защите германского отечества от русской агрессии.

II

Прошло около десяти лет. Начиная с 1924 года М. Н. Покровский выступает с рядом статей, посвященных империалистической войне, в которых содержится его последняя, наиболее полная, документированная обширным, но, как мы увидим, односторонне, неполно подобранным архивным материалом, концепция происхождения империалистической войны.

В этой концепции можно установить две важнейших части: 1) изображение причин войны; 2) установление той цели событий, которые непосредственно привели к тому, что долго накапливавшиеся на политическом горизонте тучи разразились военной грозой в июле 1914 года. В этой последовательности мы рассмотрим взгляды Покровского.

1. Исходным пунктом для выяснения причин мировой войны является, несомненно, отчетливое понимание империализма, как особого периода в развитии капитализма.

Исходил ли из ленинской теории империализма Покровский в конкретно-историческом анализе причин войны? На этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ. Только в одном месте мы нашли в статьях Покровского ссылку на общие закономерности периода империализма. И эта ссылка достаточно характерна для Покровского. В докладе на собрании московской интеллигенции 4/VIII 1924 года — „Происхождение и характер войны“ — Покровский, развивая мысль, что война с необходимостью вытекала из определенной стадии экономического развития, в которую вступили все участвовавшие в ней державы, а именно из империализма, — дал такое краткое определение империализма: „Я напому вам только, что суть империализма заключается в борьбе за мировой рынок, за монополию на мировом рынке. В этом его экономический стержень“.¹ В таком нерасчлененном виде формулировка эта выражает в корне неправильное понимание сущности империализма, понимание, которое могло привести и приводило М. Н. Покровского к неправильному изображению генезиса войны. Центр тяжести переносился Покровским из области борьбы за передел мира, вытекающей из того, что развитие капитализма происходило в период империализма с возрастающей неравномерностью: темпы развития молодых империалистических стран, в первую очередь Германии, были неизмеримо быстрее, чем темпы развития старых капиталистических стран — Англии и Франции; уровни экономического развития Германии и Англии сближались, Германия перегоняла Англию, ее монополистический капитал требовал себе „места под солнцем“ для закрепления в свое монопольное обладание источников сырья, рынков вывоза товара, сфер приложения капитала, а „место под солнцем“ было занято другими, прежде всего Англией и

¹ „Империалистическая война“, стр. 130.

т части Францией, и они упорно стремились сохранить его — центр тяжести переносился Покровским из этой области в область торговой конкуренции на мировом рынке.

2. С очевидностью эта тенденция Покровского сказывается в анализе им ведущего противоречия между Англией и Германией. В отличие от своей ранней статьи 1915 года, Покровский совершенно правильно отводит англо-германскому антагонизму центральное место в определении причин мировой войны. Совершенно правильно он на первый план в нем ставит не чисто промышленное соперничество Англии и Германии, а борьбу за обладание морем. Но чрезвычайно существенно, что Покровский видит морское соревнование Англии и Германии исключительно в области торгового судоходства и совершенно игнорирует такой важнейший фактор англо-германских противоречий, как постройка Германией могущественного военного флота. Между тем, как известно, именно принятие Германией морских программ 1898, 1900 и особенно 1908 года (после постройки первых дредноутов) и 1912 года, программ, ставивших под угрозу английское владычество на морях, побуждало Англию усиленно спешить с дипломатической и военной подготовкой к решающей схватке с германским империализмом. В области морского транспорта преобладание Англии над Германией перед войной оставалось колоссальным, ее торговый флот обладал общим водоизмещением в 19 миллионов тонн против 5 миллионов тонн водоизмещения германского флота. Военное же преобладание Англии над Германией на море после того, как постройка дредноутов свела на нет прежде накопленные преимущества, — к 1914 г. было относительно невелико. Но для Германии борьба за морское преобладание была борьбой за создание таких условий, которые обеспечивали бы ей возможность добиться передела мира. Разрыв морских сообщений разрушил бы связь Великобритании с ее доминионами и колониями, сделал бы их легкой добычей германского империализма, поставил бы на колени Англию, лишенную подвоза сырья и продовольствия. Покровский уделяет мало внимания этому вопросу именно потому, что у него в изложении причин мировой войны борьба за передел мира стоит на втором плане, а это вытекает из его понимания империализма, как периода, характеризующегося прежде всего обострением чисто рыночных противоречий. Поэтому он придает совершенно второстепенное значение при изложении англо-германских противоречий вопросу о Багдадской железной дороге и о проникновении Германии в Азиатскую Турцию.¹

3. В своих статьях, начиная с 1924 года, М. Н. Покровский пересмотрел вопрос о роли франко-германских противоречий в возникновении войны и об их сущности. Из отмеченных им уже

¹ В лекциях „Военная политика России в XX ст.“, где Покровский дает суммированное изложение причин мировой войны, вопрос о Багдадской железной дороге совершенно опущен.

В статье „Как возникла мировая война“ он назван только „дополнительным фактическим выводом“. См. стр. 153.

в 1915 году фактов роста французской тяжелой промышленности перед войной, на этот раз Покровский сделал совершенно правильные выводы не о тяге к сближению между Германией и Францией, а о росте антагонизма между ними.

Но существенно отметить, что нигде у Покровского нет анализа колониальных столкновений между Францией и Германией по вопросу о Марокко, нет изображения упорных домогательств германского империализма получить свою долю в разделе Африки. В этом игнорировании чрезвычайно важных событий в развитии предвоенных антагонизмов, событий, связанных с вопросами дележа колоний, нельзя, на наш взгляд, не видеть проявления указанных нами общих тенденций статей Покровского — придавать второстепенное значение моментам политической борьбы за территориальные приобретения, выдвигать на первый план лишь такие факты, которые приводят к узко-экономическому истолкованию причин войны. Сам собою бросается в глаза общий вывод, вскрывающий чрезвычайно важную черту в характеристике Покровского как историка, как политического деятеля. В годы, когда в гениальных выступлениях т. Сталина против контрреволюционного троцкизма, открытый Лениным закон неравномерного развития капитализма в период империализма, получил высшее законченное развитие, в эти годы Покровский в объяснении причин империалистической войны игнорировал закон неравномерности развития.

4. В статьях 1924 и последующих годов М. Н. Покровский ограничил роль русско-германских и русско-турецких противоречий в возникновении войны. Основные причины войны передвинулись у него, по сравнению со статьями более ранними, с Востока на Запад. В лекциях по истории внешней политики России в XX столетии Покровский так резюмирует свой новый взгляд на причины войны, представляющий собой прямое опровержение прежнего: „В основе лежал конфликт англо-германский, затем следующий за ним по значительности был конфликт германо-французский, и, наконец, самым слабым из всех конфликтов был конфликт, по существу, не русско-германский, а русско-турецкий, из-за проливов, но так как за спиной Турции стояла Германия, то, в конце концов, фактически этот конфликт связывался с русско-германским конфликтом“.¹

Итак, значение русско-германского конфликта у Покровского переместилось, по сравнению с рефератом 1915 года, с ведущего места на второй план. Еще больше отодвинулось значение вопроса о пошлинах на ввоз русского хлеба в Германию и об антагонизме русских и прусских помещиков из-за этого. Покровский нигде прямо не заявляет об ошибочности своих прежних утверждений, но косвенно он сам опровергает их, отказавшись от своей прежней версии войны, возникшей из-за пошлин на русский хлеб. В центре вопроса об участии России в империалистической войне поставлен Покровским в 1924—1928 гг. русско-турецкий антагонизм, борьба за проливы и Константинополь. Чем

¹ „Империалистическая война“, стр. 403.

объясняет Покровский упорное и несомненное стремление России к захвату проливов? М. Н. Покровский неоднократно пытается связать его со своей общей, в корне неверной, схемой русской истории, придавая решающее значение интересам русского торгового капитала. Так он пишет в статье 1924 года — „Как возникла мировая война“: „Империалистический характер войны и господство финансового капитала в царской России делали участие в войне этой последней фактом, само собой разумеющимся. Этому несколько не противоречит то, что непосредственно война была связана с интересами русского торгового капитала, давшего ей лозунг: „Ключи от собственного дома“.¹ Анализируя влияние временного закрытия проливов во время Балканских войн 1912—1913 гг. на русский экспорт пшеницы, Покровский стремится доказать, что именно эти колебания решающим образом повлияли на русскую внешнюю политику и форсировали развязывание военного конфликта в 1914 году.

Правда, в дальнейшем Покровский сам видит, что трудно только из колебаний хлебных цен и размеров хлебного вывоза вывести весь размах русской внешней политики в XX столетии. Он заявляет: „Во всяком случае вопрос даже о Константинополе приходится далеко расширить за пределы влияния русского хлебного вывоза и торгового баланса в 1912—1913 гг. Это был большой вопрос русского империализма, зревший по мере того, как зрел этот последний“.¹

Но стремление узко-экономическими причинами объяснить происхождение мировой войны приводит Покровского к тому, что, сосредоточив все внимание на русско-турецком конфликте, он придает совершенно второстепенное значение конфликту между царской Россией и Австро-Венгрией. Хотя Покровский и приводит несколько документальных фактов, свидетельствующих о том, как живо интересовались дипломаты вопросом о вероятной близкой смерти дряхлого Франца-Иосифа и о будущем распаде Австро-Венгрии, но выводов из этих фактов он не делает. Следствием такого игнорирования австро-русских противоречий является то, что Покровский рассматривает русско-сербский конфликт, как совершенно случайный повод к империалистической войне.

„Эпизод, о котором трактуют все искатели виновников войны, — сербско-австрийский эпизод, он, повторяю, только повод к войне“,² — пишет Покровский.

Не так определял цели России в империалистической войне В. И. Ленин: для него борьба России за захват Константинополя была лишь одним из звеньев в общей цепи территориальных захватов, намеченных русским царизмом.

В резолюции конференции заграничных секций РСДРП, происходившей в Верне 27 февраля — 4 марта 1915 года, говорится так: „Действительная сущность современной войны заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раз-

¹ „Имп. война“, стр. 149.

² „Империалистическая война“, стр. 136.

дел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов в России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д.¹

Более детально цели русского империализма в войне определены в брошюре „Социализм и война“.

„Царизм ведет войну для захвата Галиции и окончательного придушения свободы украинцев, для захвата Армении, Константинополя и т. д. Царизм видит в войне средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение. Теперь на двух великороссов в России приходится от двух до трех бесправных инородцев: посредством войны царизм стремится увеличить количество угнетаемых Российской наций, упредить их угнетение и тем подорвать борьбу за свободу и самих великороссов“.²

В статье „О сепаратном мире“ 1916 года Ленин пишет: „Россия воюет за Галицию, владеть которой надо в особенности для удушения украинского народа (кроме Галиции у этого народа нет и быть не может уголка свободы, сравнительной, конечно), за Армению и Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран“.³

Как видим, у Ленина все время проводится мысль, неизмеримо более широкая, чем одностороннее объяснение причин активного участия в войне России у Покровского.

Россия, вступая в войну, как резерв западного капитализма, в то же время ставила определенные, далеко идущие цели. И эти цели были, с одной стороны, связаны с разделом Турции, с захватом Константинополя и Армении, а, с другой стороны, угрожали самому существованию Австро-Венгрии. Русское славянофильство, возродившееся в новых формах в предвоенные годы, было боевой программой, стремившейся идеологически обосновать подчинение России славянских народов, живших на территории Балканского полуострова и на территории Австро-Венгрии.

Не случайно в годы, непосредственно предшествующие империалистической войне, наблюдался чрезвычайный рост славянофильских идей среди влиятельных кругов русских политических деятелей из состава депутатов IV Государственной Думы, сторонников „российского великодержавия“. Буржуазно-помещичьи партии царской России широким фронтом, начиная от откровенно черносотенных националистов типа графа Бобринского или Шульгина, продолжая октябристами и кадетами во главе с их лидером Милюковым, проявили необыкновенный интерес в 1908—14 г. к судьбе „славянских братьев“. За ними скрывалась полная поддержка империалистической политики самодержавия.

Между Россией и Австро-Венгрией назревал великий спор за подчинение южного и западного славянства. Украинский народ был одним из объектов спора. Австрийское правительство вело

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 125.

² Ленин, т. XVIII, стр. 199.

³ Ленин, т. XVIII, стр. 125.

достаточно искусную политику в Восточной Галиции, когда противопоставило неуклюжей поповской москвофильской пропаганде украинское национальное движение, предоставив ему относительную свободу развития в Галиции и заставив украинских буржуазных националистов из Приднепровской Украины обращать свои взоры на „Украинский Пьемонт“, как называли они в те годы Львов и Восточную Галицию. В свою очередь русский империализм возлагал огромные надежды на растущее движение среди южных славян Австрии, рассматривая его, как орудие взрыва обветшавшей монархии Габсбургов. Сербия, ставшая важнейшим центром великосербской пропаганды, была важна для России не только как опорная база в борьбе за Балканы и Константинополь, но и как центр притяжения австрийских славян, как растущий антагонист Австро-Венгрии. Разгром Сербии означал для России, прежде всего, крушение ее планов использовать славянское национальное движение для своих захватнических целей.

С такой точки зрения, австро-сербский конфликт не был случайным поводом к войне; это был конфликт, вытекавший из всей предшествующей истории развития южно-славянских народов и тесно связанный со стремлением двух империалистических хищников подчинить своим целям национально-освободительное движение, развивавшееся в XX столетии среди малых славянских наций.

Уже в манифесте ЦК РСДРП, появившемся, как известно, еще в октябре 1914 года, указано, что одной из целей немецкой буржуазии в войне было желание покорить Сербию и задушить национальную революцию южного славянства.¹

В войне 1914—1918 гг., а именно в начальном эпизоде ее возникновения — в столкновении между Сербией и Австрией, был национальный момент. Но за спиной Сербии стояла Россия, преследовавшая захватнические империалистические цели, а за спиной России и Австрии стояли, с одной стороны, Англия, Франция, с другой — Германия, решавшие спор о дележе колоний.

Поэтому, как указывал Ленин, — „Национальный момент в австро-сербской войне не имеет серьезного значения по сравнению с всеопределяющим империалистическим соревнованием“ (т. XIX, стр. 183).

Но тем не менее нельзя этот национальный момент в истории возникновения войны игнорировать, и тем более нельзя игнорировать того, как национальные конфликты были использованы в чисто империалистической борьбе между Россией и Австро-Венгрией, борьбе, ставившей своей задачей не освобождение славянских наций, а их подчинение. А такое подчинение „инородцев“, их полуфеодалная эксплуатация составляла одну из характерных черт российского военно-феодалного империализма.

¹ Ленин, т. XVIII, стр. 62. — „На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем, направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента“.

лизма. Стремление Австро-Венгрии и Германии задавить пробуждавшееся южно-славянское национальное движение, стремление, с другой стороны, царской России использовать это движение для разрушения двуединой монархии,— составляло одну из важнейших причин столкновения России с австро-германским блоком в 1914 году.

Этот вопрос был совершенно обойден Покровским в изложении им причин империалистической войны. А между тем он писал свои статьи о войне в те годы, когда в гениальных трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина было выяснено с исчерпывающей полнотой все значение национального вопроса в истории, в особенности в истории Восточной Европы, где сложились международные государства: Россия и Австро-Венгрия.

III

Несомненно, наиболее развитой частью концепции Покровского является не изложение им общих причин империалистической войны (изложение, заключающее, как мы видели, ряд существенных ошибок), а попытка Покровского проследить на конкретном историческом материале генезис войны. Лейтмотив, который проходит через все статьи Покровского о происхождении войны,— это — утверждение, что именно царская Россия, русские дипломаты и военные круги, поставив своей задачей добиться любой ценой обладания проливами, форсировали взрыв войны летом 1914 года.

Доказательства, которые приводит Покровский в пользу этого тезиса, разделяются на две группы: к первой относятся статьи Покровского, посвященные изображению дипломатической и военной подготовки русского империализма, ко второй — изложение Покровским событий кризисных дней июня — июля 1914 года.

В такой последовательности мы и разберем высказывания Покровского.

Если сгруппировать в хронологической последовательности этапы подготовки царской России к войне в том виде, как они изображены у Покровского, то получится такая сводка:

1) 1907 год Покровский берет (неправильно, как увидим в дальнейшем) за исходный хронологический пункт в изображении цепи событий, приведших к войне. Россия „вернулась в Европу“ после трагического исхода дальневосточной кампании. Царизм, подавив при помощи займов, предоставленных французской биржей, первую буржуазно-демократическую революцию 1905 года, договорившись с Англией о разделе сфер влияния в Персии, снова начинает вести активную политику на Балканах ставя своей заветной целью Константинополь и проливы. Именно к этому году Покровский, опираясь на показания Колчака, относит начало подготовки России к участию в большой европейской войне на стороне противников Германии.¹

¹ „Империалистическая война“, изд. 1904 г., стр. 171.

2) 1908 год. Событиям этого года Покровский придает исключительное значение в генезисе войны. Известные переговоры Извовавшего с Эренталем, предшествовавшие аннексии Боснии и Герцеговины Австрией, он неоднократно называет началом „заговора против всеобщего мира“.¹ Но попытка русской дипломатии потерпела полный крах. Австрия поспешила реализовать предоставленную ей свободу действий и аннексировала Боснию и Герцеговину. Россия же в вопросе о проливах натолкнулась на противодействие своих же „друзей“: ни Англия, ни даже Франция не были склонны предоставить царизму такой мировой центр, как Константинополь, без дорогой оплаты. Тогда русская дипломатия резко повернула фронт и выступила на защиту ущемленных Австрией сербских интересов. Но в 1908 году Россия воевать не могла: армия не была готова к войне после поражений 1904–1905 года, стоявший у власти Столыпин боялся нового взрыва революции при проведении мобилизации, поддержка союзников не была обеспечена, а за спиной Австро-Венгрии стояла в угрожающей позиции Германия.

Россия принуждена была отступить с тем, чтобы при более благоприятной конъюнктуре возобновить свои попытки.² Так изображает кризис 1908 года Покровский.

3) В 1909 году во время свидания в Ракоиджи Россия договорилась с Италией о разделе Турции. В тайном договоре обе стороны обязались „относиться благосклонно“: Россия к предстоящим итальянским захватам в северной Африке, Италия — к русским интересам в проливах.³

4) С 1910 года усилилась военная подготовка русской армии. Покровский утверждает, что именно с этого года русская армия стала превращаться „из чисто оборонительного оружия, каким она была еще в 1909 г., в наступательное оружие первого сорта“.⁴

5) По утверждению Покровского, с 1912 года, со времени прихода к власти Пуанкаре, стал изменяться характер франко-русских отношений, французское правительство, прежде проявлявшее большую сдержанность в вопросах ближневосточной политики, теперь начинает поощрять Россию к активной политике обещанием твердой поддержки в случае, если Австрию поддержит Германия.

Совещания между начальниками военных штабов России и Франции дополняются военно-морской конвенцией, облегчающей задачи Черноморского флота.⁵

6) 1912-1913 годы Балканские войны. Покровский приписывает русской дипломатии, приложившей столько усилия к созданию Балканского союза, следующий хитроумный план: славянские державы нападут на Турцию, Турция достаточно подготовленная в военном отношении германцами, окажет им сильное сопро-

¹ „Империалистическая война“, изд. 1904 г., стр. 103.

² Такое изображение событий 1906 г. Покровский дает на стр. 103–104 своего сборника и в статье „Три совещания“ (стр. 120 и далее).

³ „Империалистическая война“, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 12 и 173.

⁵ Там же, стр. 105.

тивление, и, возможно, разобьет; тогда Россия получит повод для вмешательства и использует ситуацию для захвата Константинополя. Но расчеты русского правительства не оправдались.¹

Союзники легко разгромили Турцию. Угроза захвата Константинополя болгарам особенно встревожила Россию. К счастью, новая война, возгоревшаяся между союзниками из-за раздела добычи, привела к жестоким поражениям болгар и значительному усилению русского вассала на Балканах — Сербии. Но все же цель русской политики оказалась не достигнутой. Попрежнему турки были хозяевами в проливах. А между тем временное закрытие проливов во время войны еще раз наглядно показало всю важность обладания ими для русского хлебного экспорта.

С этого времени, по утверждению Покровского, русское правительство окончательно приходит к выводу, что захват проливов невозможен для него без общеевропейской войны. Только ценой активной помощи в разгроме главного противника — Германии, Англия допустит Россию к обладанию Константинополем.

7. „Объективная обстановка, из которой выходом могла быть только европейская война в ближайшем будущем, окончательно сложилась зимой 1913—1914 гг.“ — пишет Покровский.²

К 1914 году, по утверждению Покровского, военные приготовления России достигли такого развития, что руководители военного министерства считали Россию вполне способной померяться при помощи союзников силами с австро-германским блоком. На совещании 13/XII 1913 г. „Военный министр (Сухомлинов) и начальник генерального штаба (Жилинский) категорически заявили о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией“.³

Вожди русской дипломатии — Сазонов, Извольский (Покровский не видит между ними существенного различия), не говоря уже о посланнике в Сербии, Гартвиге, стояли на точке зрения агрессивной политики, не останавливающейся перед риском общеевропейской войны, которая была нужна России для осуществления ее целей.

Оказывавший некоторое противодействие им (неизмеримо менее авторитетное, чем Столыпин) Коковцев был смещен „именно за непонимание задач внешней политики“⁴ и заменен совершенно безличным Горемыкиным. Россией правила тесная группа сторонников войны.

Таково изображение Покровским цепи событий от 1907 г. до кризисных дней 1914 г.

Если в изображении Покровским этапов подготовки империалистической войны имеется налицо, как мы попытаемся далее

¹ „Империалистическая война“, стр. 408.

² Там же, стр. 369. Предисловие М. Н. Покровского к публикации русских документов в 1-м томе „Международн. отношения в эпоху империализма“.

³ „Империалистическая война“, стр. 121.

⁴ Там же, стр. 371.

показать, ряд произвольных утверждений и, в силу полного исключения из поля зрения действий противной стороны, прямое извращение действительной причинной связи событий, то изложение у Покровского событий кризисных дней носит характер необоснованных сенсационных разоблачений русской политики. Центром его является неоднократно высказанное Покровским положение, что убийство Франца-Фердинанда было непосредственно спровоцировано телеграммой русского главного штаба, извещавшей сербскую разведку, что Франц-Фердинанд готовится совершить нападение на Сербию и что маневры в Боснии, на которые должен приехать Франц-Фердинанд, есть лишь предлог для сосредоточения австрийской армии, которая должна это нападение на Сербию совершить“.¹

Убийство Франца-Фердинанда должно было, по расчетам русского главного штаба, вызвать Австрию на решительные действия и, таким образом, создать повод для мировой войны.

„Итак, война непосредственно была спровоцирована русской военной партией“² — таков общий вывод Покровского.

Таким образом, по голословному утверждению Покровского, австрийский ультиматум был заранее предвиден и учтен руководителями русской политики.

Недаром — пишет Покровский — еще до вручения было дано разрешение Николаем II на уступку Сербии винтовок и патронов из русского военного снаряжения.

Визит Пуанкаре в Петербург, накануне вручения ультиматума, по словам Покровского, еще подогрел воинственные настроения русской правящей клики твердым обещанием содействия со стороны Франции.

Как только известие об ультиматуме было получено в Петербурге Сазонов воскликнул: „Это европейская война“; и Покровский трактует это восклицание, как проявление радости: „наконец-то европейская война“. Все переговоры, которые велись русским правительством в кризисные дни, были, по мнению Покровского, только средством для одурачивания масс.

В конце концов русская всеобщая мобилизация, на которой настоял перед растерявшимся царем Сазонов, которой усиленно добивались Сухомлинов (военный министр) и Янушкевич (начальник штаба), ссылаясь на техническую невозможность мобилизации частичной, — русская мобилизация сорвала всякое продолжение переговоров и форсировала объявление Германией войны.

„Всеобщая мобилизация означала войну“, — утверждает Покровский.

Мы дали, по возможности, полную сводку всех разбросанных в разных статьях замечаний Покровского о подготовке к войне. Как мы видим, через всю концепцию Покровского проходит красной нитью та же тенденция, которая в более примитивной форме проявилась еще в статьях 1915 года: инициатива

¹ „Империалистическая война“, стр. 136. Более подробно об убийстве Франца-Фердинанда — стр. 411 и стр. 157—160.

² Там же, стр. 160.

развязывания мировой войны принадлежала не Германии, а странам Антанты; из них первая рвалась в бой Россия, которая, в конце концов, и спровоцировала войну 1914—1918 гг., подстрекнув Сербию на Сараевское убийство.

Покровский перенес в статьях 1924—1929 гг. на Запад корни мирового конфликта, но непосредственные силы, вызвавшие его он продолжал видеть на Востоке и притом именно в России. Покровский должен был признать, что ведущим противоречием было противоречие Англии и Германии. Русско-германский конфликт он признает наименее острым, „тем не менее, пишет он,— стремление завязать драку распределяется как раз в обратном отношении... Русские помещики и Николай II, их коронованное возглавление, бросаются в драку первыми; они затевают всю эту войну, хотя этот конфликт был наименее острым“.¹

Покровский в своих статьях написал грозный обвинительный акт против русского правительства и, конечно, не только против русских помещиков, но и против русской буржуазии, оказавшей полную поддержку русскому царизму в дни войны, и против русских социал-оборонцев. Но величайшее извращение исторической правды заключается в том, что обвинительный акт против русского империализма в том виде, как его составил М. Н. Покровский, явился и является в то же время оправдательным документом для империализма германского. Германофильская тенденция, проявившаяся уже в статьях М. Н. Покровского, написанных в 1915 г., сохранилась полностью, еще усилилась в статьях 1924—1928 года. В изображении Покровского Германия только попала в поставленную ей ловушку. Инициатива с самого начала была в руках соперников Германии. В полемике с Каутским М. Н. Покровский прямо утверждает это.

Такой взгляд Покровского совершенно не соответствует действительности, в концепции Покровского есть пропуски важных звеньев в цепи событий и несобоснованные утверждения.

Попытаемся проверить представленные им доводы и показать, что развитая Покровским концепция происхождения войны является антиленинской и антиисторической.

IV

Прежде всего бросается в глаза то, что утверждение Покровского о приоритете русской инициативы в возникновении мировой войны в корне отличается от высказанных Лениным взглядов.

Ленин вовсе не отодвигал на второй план конфликтов между русским империализмом и империализмом австро-германским в вопросе о происхождении войны. В статье „О сепаратном мире“ Ленин пишет: „Война порождена империалистическими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за

¹ „Империалистическая война“, стр. 407.

- раздел добычи за то, кому скушать такие колонии и мелкие государства, при чем на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники.¹

Следовательно, Ленин вовсе не считал русско-германский конфликт второстепенной причиной войны, как это делает в своих статьях и лекциях, начиная с 1924 года Покровский. Как мы видели выше, Ленин самую сущность борьбы между Россией и центральными державами изображал совершенно иначе, чем Покровский. Ленин далеко расширял ее за рамки вопроса о проливах и о хлебном экспорте, связывая со всей внутренней политикой царизма, направленной на политическое и экономическое угнетение покоренных народов, в том числе и народов славянских.

Но инициатором произошедшего в 1914 г. военного столкновения, той державой, которая в данной конкретной обстановке, сложившейся в 1914 году, приняла решение мечом разрубить запутавшиеся узлы мировых противоречий, — такой державой Ленин считал Германию.

Готовилась к войне та и другая сторона, цели войны были равно хищнические с обеих сторон, но в 1914 году военную развязку форсировала именно Германия.

„Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удачный с ее точки зрения момент для войны, используя свои последние усовершенствования в области военной техники и предпринимая уже новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией“.²

Эти слова Ленина не оставляют никакого сомнения в том, кого Ленин считал конкретным виновником того, что война вспыхнула в 1914 году, а не была оттянута еще на некоторый промежуток времени.

Ленин писал эти строки в 1914 году.

Неужели в 1924 году и позднее в распоряжении Покровского оказались новые документальные данные, достаточно веские, чтобы заставить его пересмотреть мнение Ленина?

Совершенно напротив. Все опубликованные документы только подтверждают слова Ленина, заставляя изумляться гениальной прозорливости Владимира Ильича, который в условиях сплетения всевозможной лжи русских, германских, французских, английских фальсификаторов истории, не имея в то время (1914 год!) под рукой точных документальных материалов, за исключением подтасованных официальных публикаций, мог на основе анализа всей предшествующей политики и текущей обстановки вскрыть

¹ Ленин, т. XIX, стр. 281.

² Ленин, т. XVIII, стр. 62.

и с совершенной точностью указать сущность, причины и самый генезис только что вспыхнувшей войны.

Антиленинская концепция происхождения империалистической войны, данная Покровским, противоречит прочно установленным в исторической науке фактам, притом таким, которые были известны уже в то время, когда Покровский писал свои статьи 1924—30 гг.

Этапы подготовки империалистической войны изображены Покровским неправильно, с явно предвзятой точки зрения.

1. Покровский совершенно произвольно и неправильно взял 1907 год за исходный пункт в генезисе мировой войны. Корни империалистической войны восходят к положению, создавшемуся в Европе после франко-прусской войны 1870—1871 г. и захвата Германией Эльзас-Лотарингии. На это указывал товарищ Сталин, на XIV съезде партии, когда говорил: „Вот в этот период, когда все говорили о мире, а фальшивые певцы воспевали мирные намерения Бисмарка, Германия и Австрия заключили соглашение, совершенно мирное и совершенно пацифистское, соглашение которое потом послужило одной из основ будущей империалистической войны. Я говорю о соглашении между Австрией и Германией в 1879 г.“. Тов. Сталин указал на XIV съезде, что франко-русский союз в 1891—1893 г. непосредственно явился результатом, ответом на австро-германское соглашение, направленное против России и Франции (см. стеногр. отчет XIV съезда ВКП(б), стр. 15, изд. 1926 г.). Следующим этапом в развитии противоречий, приведших к империалистической войне, является последнее пятилетие XIX столетия, годы, когда полностью проявились широкие завоевательные планы германского империализма, когда по словам самого германского канцлера, Германия стала превращаться из *Grossmacht* в *Weltmacht*.

Действительно, напомним вкратце события этого пятилетия. В 1895 году прорыт Кильский канал, давший возможность объединить в одно целое военные флоты Северного и Балтийского морей, в 1898 г.—принят рейхстагом первый морской закон, установивший на два десятилетия вперед грандиозную программу германского военного судостроения, в 1900 г. приняты дополнения к морскому закону, декретировавшие постройку т. н. „больших крейсеров“, судов, предназначенных для борьбы на океанских путях.

И, параллельно с этим, в те же пять лет: поздравительная телеграмма Вильгельма Крюгеру по поводу отражения английского набега на бурские республики, занятие Циндао, т. е. создание германского опорного пункта на Дальнем Востоке и, наконец, договор о Багдадской жел. дороге.

Что означали эти два ряда событий? То, что Германия в соответствии с ростом ее экономического могущества, в соответствии со вступлением ее хозяйства в фазу монополистического капитализма, с полной очевидностью заявляла претензию на „место под солнцем“, т. е. на широкие колониальные приобретения. Она уже не могла довольствоваться захудалыми территориями, предоставленными ей с милостивого согласия „царицы

морей“ Англии, а накапливала силы для вооруженной борьбы за передел мира.

Германскому империализму принадлежала инициатива в том изменении международного положения, которое произошло на пороге периода довоенного империализма. Изменение путей английской внешней политики, переход Англии от позиции „блестящего одиночества“ к созданию антигерманского блока был защитным ходом в ответ на открытое проявление мировых претензий германского империализма. Эта инициатива, проявленная Германией в борьбе за передел мира, совершенно выпала из поля зрения Покровского. Германия Гогенцоллернов, давшая толчок к той безумной гонке вооружений, которая характеризует последние десятилетия перед империалистической войной, играет в его построении миролюбиво пассивную роль.

2. Покровский вполне правильно называет 1908 год началом „заговора против всеобщего мира,“ но самый заговор Покровский видит не там, где его следовало искать, аннексия Боснии и Герцеговины Австрией — вот то событие, которое послужило исходным пунктом для обострения отношений на Балканах, вызвавшего в конце концов мировой пожар.

Так оценивали положение и представители австро-германского блока. В то время, когда Покровский писал свои статьи, уже появились мемуары Конрада фон Гетцендорфа, первый том которых представляет изложение балканского кризиса 1908 года с точки зрения австрийского генерального штаба. В приложении к этому тому дан красноречивый документ: письмо Конрада начальнику германского генерального штаба Молтке от 1 января 1909 года.

В этом официальном письме написанном по особому, данному в личной аудиенции, разрешению Франца Иосифа, с большой точностью излагается план большой войны, возникающий из балканского кризиса.¹

Даже немецкие дипломаты признавали, что именно аннексия Боснии и Герцеговины, дала толчок к усилению деятельности сербских патриотических обществ, в особенности деятельности Народной Одбраны.² С этого времени в сербских землях возникает та накаленная атмосфера, которая привела в июле 1914 года к убийству Франца-Фердинанда, давшему повод к войне. Не надо забывать, что ультиматум 1911 года был четвёртым ультиматумом, предъявленным Австро-Венгрией Сербии за пять лет, предшествующих империалистической войне. Ультиматумы 1909 года (требование признать аннексию Боснии и Герцеговины), ультиматумы 1912 и 1913 года были сербским правительством удовлетворены полностью. Австро-Венгерская политика, внешняя и внутренняя (вспомним знаменитые южно-славянские процессы

¹ Feldmarschall Conrad „Aus meiner Dienstzeit“ т. I, стр. 631—634. В этом документе предвидится именно та конъюнктура, которая была реализована в 1914 г.: нападение Австро-Венгрии на Сербию и вступление в войну России.

² См. донесение Гринингера из Белграда от 6/VII 1914 г. „Год 1908..... оставил в душе сербского народа незатягивающуюся рану“ и далее „Deutsche Dokumente“, т. I, № 19а.

с фабрикацией подложных документов!) все время провоцировала взрыв оскорбленного национального чувства у южно-славянских народов. Горе Сербии заключалось в том, что это освободительное национальное движение вылилось в уродливую форму индивидуальных террористических актов, но Австро-Венгрия пожалала в Боснии и Герцеговине то, что сама посеяла.

3. Покровский совершенно неправильно рисует картину дипломатических отношений, создавшихся между странами тройственного согласия к 1914 г. Во всем его построении есть вопиющее внутреннее противоречие. Он утверждает, что Россия в 1914 г. намеренно провоцировала войну с целью захватить Константинополь, а в то же время он вынужден признать, что никакого соглашения между Россией и ее союзниками по вопросу о важнейшем объекте вожделий русского империализма — Константинополе ко времени возникновения войны не существовало. Надеяться на собственные силы России в 1914 г. тоже не приходилось. Чтобы захватить проливы надо было располагать значительным перевесом сил на Черном море.

Между тем усиление русского черноморского флота происходило медленными темпами, а турецкий военный флот быстро сооружался и при том, что в данной связи особенно важно отметить — при содействии Англии. На английских верфях заканчивались постройкой мощные Дреднауты для Турции, английский адмирал Лимпус руководил реорганизацией турецкого флота. Любопытна переписка между Сазоновым и русским послом в Англии Бенкендорфом, возникшая по этому поводу. В письме от 8 мая (25 апреля 1914 г.) Сазонов писал: „Из прилагаемого в копии секретного донесения императорского посла в Константинополе видно, как успешно идет под умелым руководством английского адмирала реорганизация турецкого флота. Сазонов предлагал Бенкендорфу поговорить с Эд. Греем, чтобы тот умерил старания не в меру ретивого адмирала. Ответ английского министерства иностранных дел, полученный 9 июня 1914 г. (т. е. буквально накануне войны) носил весьма двусмысленный характер. „Правительство его величества не разрешило бы британским морским офицерам вступать на службу оттоманского правительства, если бы оно считало, что турецкий флот предназначается для действий враждебных России“.¹

Переговоры об англо-русской морской конвенции действительно велись, но к моменту объявления войны далеко не были закончены.

Размашистая империалистическая политика русского царизма в Персии приводила, как показывает богатый документальный материал, собранный в первых томах нашего издания „Международные отношения в эпоху империализма“, к ряду острых столкновений английских и русских интересов.

Никаких гарантий в том, что в столкновении на Востоке Англия, поглощенная в это время внутренним кризисом (собы-

¹ „М. Отн.“, сокр. изд., № 144 и № 166.

тия в Ульстере) поддержит Россию, не было. Германская дипломатия, идя на развязывание войны, прекрасно учитывала это.

Более прочным было звено Антанты: Англия — Франция, но и здесь, ставший известным русскому правительству только за полтора месяца до войны, обмен писем между Грэем и Камбоном 1912 года не давал полных гарантий военного выступления Англии; переговоры, которые велись между генеральными штабами, становились обязательными только в том случае, если последует решение правительства о совместном военном выступлении. И, как прекрасно было известно Покровскому — он сам говорит это и это подтверждается донесениями русского и французского послов в Лондоне¹ — до последней минуты и у Франции и у Англии были сомнения в том, какую позицию в решительную минуту займет Англия.

Итак, вопреки утверждению Покровского, дипломатическая подготовка стран Антанты к войне в 1914 году далеко не была закончена.

4. О степени военной подготовки русской сухопутной армии к войне в 1914 году дают возможность сделать выводы работы военных историков войны (Зайонковского и др.), основанные на материале, почерпнутом из русских военных архивов. Выводы эти настолько разнятся от утверждений Покровского, что на них мы считаем необходимым остановиться несколько подробнее.

В 1909 году, со вступлением в должность военного министра Сухомлинова и подчинением ему генерального штаба наступил новый этап в военной подготовке России к борьбе на западном фронте. С 1910 года была начата реорганизация русской армии. Какая же характерная черта этой реорганизации сразу бросается в глаза? Наряду с некоторым увеличением русской полевой армии (в общем на 10⁰/₀ в военное время) усилением артиллерии и специальных войск, была изменена дислокация армии в сторону увеличения частей, расположенных во внутренних частях империи. Планы войны были пересмотрены в сторону максимальной осторожности и отказа, по крайней мере в начале войны, от активных наступательных операций. Предполагалось развернуть главные силы по линии: Орны — Олита — Гродно — Белосток, Брест-Литовск — Дубно — Проскуров со слабым (по сравнению с предшествующими планами) занятием линии по Висле. Иными словами предполагалось отказаться от борьбы в выдвинутом между Германией и Австрией выступе русской Польши и отодвинуть силы на фронт, проходящий от Риги до румынской границы. Соответственно была изменена и линия крепостей. Таким образом, по планам 1910 года русская армия с самого начала войны оттягивалась на Восток, отказывалась от решительной борьбы на территории Польши и от удобного исходного положения для наступления. План 1910 года носит оборо-

¹ Богатый новый материал, относящийся к этому вопросу, опубликован за последние годы во французском издании „Documents diplomatiques français (1871—1914)“, серия III, тт. I—XI; в новоопубликованном II томе, см. № 445 и др., письмо Пуанкаре королю Георгу V, № 457, донесение Камбона, № 459.

нительный характер и оставляет мало простора для наступательных операций. Мнение Поливанова, на которое неоднократно ссылался Покровский, о том, что русская армия с 1910 года стала превращаться из оборонительного оружия в наступательное, совершенно противоречит военным планам 1909—1910 гг.

С 1912 года, действительно происходит изменение русских военных планов в сторону их активизации. Мы имеем ввиду утвержденные Николаем II после совещаний начальников штабов военных округов от 1 мая 1912 г., указания командующим войсками; в особенности план А, исходивший из предположения, что Германия обратит на первых порах главные силы против Франции и России придется иметь дело с Австро-Венгерской армией и заслоном из нескольких германских корпусов в восточной Пруссии. План А. предполагает развитие энергичных наступательных действий в помощь французской армии.

Но и в 1912 году русские военные круги вовсе не были расположены идти на риск вооруженного столкновения. Об этом свидетельствует поведение России в австро-сербском конфликте осенью 1912 года. Австрия провела, как известно, в ноябре 1912 года тайную мобилизацию армии на границах Сербии и России, но на ответные действия Россия не пошла.¹

В 1913 году Россия начала проводить крупнейшие предприятия для усиления своей военной подготовки. Была принята „Большая программа по усилению армии“, увеличившая вооруженные силы России в мирное время на 30%. Говоря об этих военных приготовлениях, Покровский все время упускает из виду два существенных обстоятельства: 1) это подготовка к войне было прямым ответом на новые вооружения Германии и Австрии (в ноябре 1912 г. новый германский закон об увеличении армии, в октябре 1912 года предоставление австрийским парламентом чрезвычайных кредитов на военные надобности, в декабре 1912 года досрочное возобновление тройственного союза); 2) военные приготовления России и Франции летом 1914 года далеко не были закончены. „Большая программа“ начала осуществляться только в 1914 году; должна была быть закончена в 1917 году, она могла несколько изменить соотношение военных [сил в пользу России с 1915—1916 гг. Только в 1915 году предполагалось довести до установленной нормы (при том крайне недостаточной, рассчитанной на короткую, максимум шестимесячную войну) артиллерийские запасы. Постройка новых железнодорожных линий, на которой настаивал Пуанкаре, обеспокоенный вопросом о сроках русской мобилизации, не была в 1914 г. еще произведена.

Наконец, в явно неудовлетворительном состоянии находился Черноморский флот. Покровский неоднократно ссылается

¹ См. письмо Извольскому, Сазонову от 5—13 декабря 1912 г. Извольскому был показан текст телеграммы русского Генерального Штаба, „согласно которой Лагишу было сказано не только, что австрийским вооружениям у нас придают чисто оборонительное значение, но что даже в крайне невероятном случае нападения Австрии на Сербию, Россия не будет воевать“. „Матер. по истории франко-русских отношений“ М. 1922 г., стр. 311.)

на материалы совещания 21 (8) февраля 1914 года, созванного Сазоновым с участием представителей штабов. Между тем материалы этого совещания находятся в явном противоречии с его взглядами на происхождение войны. Действительно, совещание пришло к выводу, что ни флот, ни транспортные средства, ни десантная армия для активной атаки на Константинополь совершенно не подготовлены¹ и что только в период между 1915 и 1917 годом смогут быть реализованы меры, принятые для усиления флота.

Таким образом, на основании всего того материала, который в 1914—1930 гг. уже был в распоряжении историка необходимо сделать вывод, в корне подрывающий всю концепцию Покровского: 1914 год ни в коем случае не был для русского правительства оптимальным сроком для того, чтобы спровоцировать европейскую войну с расчетом захватить проливы.

Ни гарантий поддержки со стороны союзников русских притязаний не было, ни возможностей своими силами нанести удар и поставить мир перед фактом вооруженного захвата Константинополя. Реорганизация армии не была закончена; известные статьи, инспирированные Сухомлиновым в „Биржевых Ведомостях“, были в значительной мере блефом,² рассчитанным на определенное воздействие на французское общественное мнение.

Но, действительно, по сравнению с 1908 и даже 1912 годом обстановка для России переменялась в благоприятную сторону: армия усилилась, снабжение ее несколько (правда, очень недостаточно) было улучшено, сроки мобилизации ускорены. Изменилась и международная обстановка: во Франции у власти стоял Пуанкаре, склонный дать твердый отпор германским претензиям.

Поэтому позиция, которую при возникновении угрозы войны в 1914 году заняло русское правительство, может быть на наш взгляд охарактеризована так: не провоцировать в данный момент войны, но и не отступать перед противником, если затронуты существенные интересы русского империализма.

V

Переходим к рассмотрению вопроса о том, как Покровский изобразил кризисные дни июня — июля 1914 г.

1. Уже из сказанного о степени подготовки России к мировой войне вытекает неправдоподобность утверждения, сделанного Покровским, будто убийство в Сараеве следует рассматривать, как прямой результат намеренной провокации со стороны русского генерального штаба, поставившего, якобы, своей задачей вызвать мировую войну летом 1914 года.

Незачем было царскому правительству и русскому генеральному штабу провоцировать войну в 1914 году, когда военные приготовления не были закончены и дипломатическая подготовка

¹ См. М. О., том I, докум. № 295. Журнал особого совещания.

² Статья под названием „Россия готова, Франция должна быть тоже готова“. (См. переписку о ней в документах, изданных Каутским, т. I, № 1.

не давала ни малейших гарантий в том, что русские притязания на Константинополь будут поддержаны.

Но и помимо этих косвенных доводов, непосредственный анализ источников показывает нам, что утверждение, сделанное Покровским, носит голословный характер.

Действительно, единственной опорой, на которую ссылается Покровский является следующее место из брошюры сербского профессора Станоевича.

„После свидания кайзера Вильгельма II и австрийского кронпринца Фердинанда в Конопиште полковник Д. Дмитриевич, начальник осведомительного отделения сербского генерального штаба, получил секретное сообщение от русского генерального штаба о том, что русское правительство получило точные сведения о характере и цели совещания Вильгельма II и кронпринца Фердинанда, во время которого Германия одобрила план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее, а также обещала ей свою помощь и поддержку...

Когда были назначены маневры австро-германских войск в Боснии и когда стало известно, что кронпринц Фердинанд намерен прибыть в Сараево, полковник Дмитриевич был уверен, что Австро-Венгрия желает совершить нападение на Сербию. После долгого размышления — как он (полковник Дмитриевич) сам рассказывал об этом в апреле 1915 года — он пришел к заключению, что нападение на Сербию можно предупредить только убийством Фердинанда“.¹

В этом „показании“ Станоевича есть противоречия с твердо установленными фактами, которые лишают его всякого значения. Достаточно установить даты событий: свидание в Конопиште происходило 12 июня 1914 года, а подготовка к покушению на австрийского эрцгерцога началась задолго до этого, не позже, чем в январе — феврале 1914 года. Сидней Фей, автор, которого не приходится подозревать ни в малейшем желании — „утаить“ связи русского генштаба с убийством, пишет на основе подробного анализа сербских источников, что еще в январе 1914 года возникла у группы сербских террористов мысль об убийстве Франца-Фердинанда или австрийского командующего в Боснии и Герцоговине генер. Потioreка. „После этого в феврале 1914 г. Принц прибыл в Белград с решением убить эрцгерцога. Там он вошел в сношение с Цыганевичем, а через него с майором Танкосичем. Когда была получена газетная вырезка с сообщением о предстоящей поездке эрцгерцога в Боснию (известие об этом было опубликовано на пасху 1914 г.), все трое ухватились за эту поездку, как великолепный случай для совершения убийства.“² Итак, в подготовке к покушению нет ни малейших следов связи с телеграммой русского генштаба о Конопиштском свидании, которое произошло тогда, когда подготовка к убийству уже шла полным ходом. Связь эта явно

¹ Сидней Фей, „Происх. мировой войны.“ т. II, стр. 70.

² Сидней Фей, „Происхожд. мировой войны.“ т. II, стр. 70.

измышлена Дмитриевичем, (а может быть и глухо ссылающимся на него Станоевичем) и некритически воспринята Покровским.

Допустим, что Покровский не знал книги С. Фея и мобилизованного им материала сербских источников (хотя английское издание С. Фея вышло еще в 1928 г., т. е. в то время, когда Покровский продолжал работать над материалами о происхождении мировой войны), но каким образом Покровский мог придавать значение показанию Дмитриевича и русской телеграмме, как реальному поводу к убийству Франца-Фердинанда, совершенно непонятно.

Ведь Покровский не поверил Дмитриевичу в той части его поведения, где он говорит о мысли предотвратить австрийское нападение на Сербию посредством покушения. Совершенно правильно назвал эту часть показания ложью. Но такой же ложью является все показание в целом.

Дмитриевичу не надо было каких бы то ни было добавочных поводов, чтобы постараться использовать удобный случай для убийства Франца-Фердинанда. Сам Станоевич приводит убедительный список заговоров и убийств, произведенных при деятельном участии Дмитриевича: в 1903 г. убийство короля Александра Обреновича, в 1911 году — посылка эмиссаров с целью убить австрийского императора или наследника, в 1914 году — подготовка покушения на Фердинанда Кобургского в Болгарии, в 1914 г. — убийство Франца-Фердинанда, в 1916 г. попытка убить греческого короля Константина.

Общество — „Черная рука“ (иначе „Объединение или смерть“) ставило своей задачей осуществление сербского объединения при посредстве индивидуального террора. А Франц-Фердинанд был личностью вдвойне ненавистной для сербских националистов как глава военной партии и, особенно, как автор проектов преобразования двуединой монархии в триединую — австро-венгерско-славянскую державу; проектов, которые могли привлечь на сторону объединения южного славянства под скипетром Габсбургов значительные круги хорватской буржуазии и послужить серьезным препятствием для великосербского дела.

Резюмируем: тезис Покровского о том, что Сараевское убийство было результатом провокации со стороны русского генерального штаба с целью вызвать мировую войну, тезис, играющий во всем построении Покровского роль краеугольного камня,¹ не имеет за собой ни малейших документальных подтверждений и противоречит тем данным, которые имеются в нашем распоряжении о военной и дипломатической ситуации в 1914 году. Этот тезис является произвольным, тенденциозным утверждением, преследующим одну цель: обвинить во всем ходе конфликта только русский царизм и оправдать тем самым германский империализм.

¹ Покровский постоянно оперирует этим голословным утверждением. См. в сборнике „Имп. война“ Лекции о внешней политике России в XX в., стр. 411, статья „Как возникла мировая война“, стр. 159 и т. д.

2. Покровский неправильно изображает отношение сербского правительства к убийству Франца-Фердинанда и поведение Сербии в австро-венгерском конфликте.

Вопреки утверждениям Покровского, документально установлено, что Сараевское убийство не было организовано сербским правительством и не являлось с его стороны намеренным вызовом, брошенным Австро-Венгрии с целью вызвать ее на войну в расчете на русскую помощь.

Покровский совершенно неправильно, без серьезного анализа внутреннего положения в Сербии в 1914 г. отождествляет действия сербского правительства, возглавлявшегося Пашичем с действиями тайных сербских организаций. А между тем это далеко не так.

Партия радикалов, опиравшаяся на широкие круги сербской буржуазии, с одной стороны, и, преимущественно состоявшая из офицеров, общество „Черная рука“ — с другой, представляли собой различные и часто враждебные направления в сербском национальном движении.

Конечная цель у них была общая: объединение всех сербов и хорватов под властью Сербии, но тактика была различной. Правительство Пашича прекрасно понимало, что после Балканских войн для Сербии требуется несколько лет для того, чтобы освоить новые области, укрепить экономическое и военное положение Сербии и лишь после этого вступить в борьбу с Австро-Венгрией. Деша поверенного в делах в Белграде Штрандмана министру иностранных дел от 23/10 июля 1914 г. (после убийства в Сараеве, но еще до вручения ультиматума) хорошо рисует общее направление деятельности и планы сербского правительства.¹

„Сербия со времени окончания балканских войн вступила во второй и последний подготовительный период осуществления своих национальных задач, которые кратко могут быть выражены следующим образом: при наступлении выгодной конъюнктуры быть готовой объединить всех сербов под власть королевства и приобрести собственный обеспеченный выход к Адриатическому морю“.

Охарактеризовав затем те дипломатические (сближение с Румынией и Черногорией, как „естественными союзницами против Австро-Венгрии) и военные (постройка стратегической ж.-д. линии, техническое оборудование сербской армии), меры, которые предприняло правительство Пашича, Штрандман заключает:

„Возникновение в настоящем и в ближайшем будущем таких событий, которые способны были бы до крайности обострить австро-венгерские отношения, считалось бы в Белграде не только не желательным, но и опасным для самого существования королевства“.

„К такого рода событиям следует отнести убийство наслед-

¹ Межд. отношения, т. V, № 9.

ного эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги,— убийство, спутавшее все планы Сербии и поставившее на очередь вопрос о военном столкновении ее с соседней великой державой в самую неблагоприятную для королевства минуту.“

Штрандтман, как видно из депеши, вовсе не отрицает того факта, что сербское правительство готовилось к войне с Австро-Венгрией, но выдвигает положение, что в данный момент, по расчетам сербского правительства, наиболее „благоприятная конъюнктура“ для этой войны не наступила. Целый ряд других сведений о состоянии сербской армии подтверждают взгляды Штрандтмана. Известна довольно обширная дипломатическая переписка, возникшая по вопросу о просьбе Сербии отпустить сербской армии для быстрейшего перевооружения 420 тыс. ружей, некоторое количество пушек и обмундирование на 250 тыс. человек из русских военных складов.¹ Из этой переписки становится очевидным, что сербская армия после балканских войн находилась в совершенно неудовлетворительном состоянии. Ближайшим сроком, к которому должна быть обеспечена всеми наиболее необходимым сербская армия, Пашич намечал весну 1915 г. Таким образом, имеются все основания утверждать, что сербское правительство, летом 1914 года совершенно не было склонно провоцировать войну с Австро-Венгрией, хотя к этой войне в будущем готовилось и считало ее необходимой.

Однако, сербские офицерские организации вовсе не были расположены придерживаться той более осторожной и ответственной тактики, какой придерживался Пашич и партия радикалов. Весна 1914 г., т. е. тот период времени, в который совершилась подготовка Сараевского убийства, характеризуется острой борьбой в Сербии между правительством Пашича и офицерскими кругами. Эта борьба хорошо описана в донесении посланника в Цетинье А. Гирса от 6 июня (23 июня) 1914 г.²

„Сербские офицеры, громадное большинство которых прямо или косвенно причастно к государственному перевороту 1903 г., всегда были как и весь народ, демократичны до мозга костей. Патриотизм их вне сомнений; но после насильственного удаления Обреновичей они заразились также, несомненно, преторианским духом, а две победоносных балканских войны возродили в них крайнее самомнение. Уверенные, что сербской армии придется в недалеком будущем сыграть крупную роль в деле укрепления сербского государства, они уже заблаговременно заботятся о сохранении за нею первенствующего в стране положения и ведут упорную борьбу с гражданской властью, олицетворяемой в настоящее время радикалами с Пашичем во главе.“

Весной — летом 1914 года разыгрался целый ряд эпизодов в этой борьбе за власть между радикальным правительством и офицерскими организациями: проверка правительством деятельности офицерской задруги, задолжавшей немалые деньги рус-

¹ См. М. О., сокращенное издание, докум. №№ 91, 122.

² М. С. т. IV, докум. № 105.

скому Международному банку, отставка видного офицера Поповича, одного из участников заговора 1903 г., конфликт в скупщине по вопросу о приоритете гражданских или военных властей в Новой Сербии, правительственный кризис, кратковременный уход и возвращение к власти Пашича. В этих конфликтах русское правительство, в лице своего представителя, чрезвычайно авторитетного в сербских националистических кругах посланника Гартвига, солидаризировалось с правительством Пашича.

Хотя Пашич и радикалы одержали победу в столкновении, но они не были полными хозяевами в стране. Сербское офицерство имело большое влияние в придворных кругах (под его давлением старый король Петр Карагеоргиевич удалился на покой, передав власть на неопределенно-долгий срок более популярному в армии королевичу Александру), сербское офицерство, с другой стороны, имело большие связи и с националистически настроенной мелкой буржуазией в Сербии; деятельность тайной террористической организации „Черная рука“ тесно переплеталась с деятельностью широкого демократического общества „Народна Одбрана“. Двойственностью положения сербского правительства объясняется и его поведение в Сараевском заговоре. Как ясно показывают признания Любы Иовановича, м-ра народного просвещения в министерстве Пашича, Пашич о заговоре и предстоящем покушении знал, сделал определенные шаги, чтобы помешать его осуществлению (гражданские власти получили приказ о задержании террористов на границе, но военная стража переправила их в Австрию), пытался даже предупредить в Вене о грозящей опасности. Когда все эти нерешительные меры не привели к результатам, сербские министры стали не без опасений ожидать, чем дело окончится. Их настроения во время подготовки убийства и в первые моменты после совершения великолепно рисует показание Любы Иовановича.¹ Возможности удаления со сцены такого опасного противника, как Франц-Фердинанд, радовались, но войны опасались, потому что не надеялись на свои силы и не были абсолютно уверены в том, что в данной ситуации Россия и ее союзники захотят или смогут помочь, а тем временем тщательно припрятавали всякие следы связи заговорщиков с правительственными кругами.

Но, если сербское правительство не подготавливало убийства Франца-Фердинанда с вполне определенной целью вызвать войну, если убийство было дело влиятельной, но безответственной террористической организации, то и после совершения убийства сербское правительство могло, раз оно оставалось у власти, приложить все усилия, чтобы войны избежать.

И действительно, оно это сделало. Неправильно рассматривать сербский ответ на австрийский ультиматум исключительно с точки зрения снятия с себя ответственности за войну, воздействия на общественное мнение. Что такая мысль у его составителей была, в этом сомнений не может быть. Но нельзя

¹ См. Сидней Фей, т. II, стр. 40.

забывать и того, что по самому существу своему, сербский ответ давал Австро-Венгрии серьезные гарантии прекращения великосербской пропаганды.

Если бы Австро-Венгрия не стремилась (с согласия и поощрения Германии) использовать сараевское убийство, как повод для того, чтобы совершенно раздавить Сербию и тем самым прочно обеспечить свою полную гегемонию на Балканах, если бы Австро-Венгрия только ставила своей задачей сохранить свое существование, которому угрожали великобританские претензии, то ответ Сербии не мог бы не удовлетворить ее. Действительно, достаточно сопоставить текст австрийского ультиматума и сербского ответа на него, чтобы констатировать, что за исключением пунктов, нарушающих суверенитет Сербии, сербское правительство согласилось на все требования Австро-Венгрии, допустив лишь некоторые несущественные оговорки.¹ Документы эти комментировались много раз с различных точек зрения, но мы полагаем, что можем в оценке сербского ответа положиться на мнение Вильгельма II, которого трудно заподозрить в каких либо симпатиях к Сербии. Вильгельм, как известно, после прочтения сербской ноты сделал на полях следующую пометку:

„Блестящее достижение за каких-нибудь 48 часов. Это больше, чем можно было ожидать. Огромный моральный успех для Вены. Но тем самым отпадает всякое основание для войны, и Гизль может спокойно оставаться в Белграде. После этого я ни в коем случае не дал бы приказа о мобилизации“.

Это признание не помешало Вильгельму II развить план вступления австрийских войск в Сербию, чтобы дать „почетное удовлетворение“ мобилизуемой в третий раз австрийской армии.

Три раза уже (1909, 1912, 1913) Сербия принуждена была капитулировать перед требованиями Австрии из опасения войны, и требования ультиматума 1914 г. были удовлетворены ею, не смотря на его исключительно провокационный характер, в наиболее существенных пунктах. Если тем не менее Австрия разорвала дипломатические сношения с Сербией и бомбардировала Белград, то это было сделано лишь потому, что решение о войне было заранее принято.

Все документы, отчетливо показывающие, что сербское правительство стремилось избежать войны, Покровский или игнорирует, или подвергает совершенно произвольному и необоснованному истолкованию.

3. В то время, когда Покровский писал о происхождении мировой войны, были уже давно опубликованы (между прочим в том самом издании Каутского, которое критиковал Покровский) документы с полной точностью устанавливающие, что именно австро-германскому блоку принадлежало преступное решение: в данной, создавшейся летом 1914 года, ситуации разгромить Сербию, не останавливаясь перед перспективой общеевропейской войны.

¹ Текст ультиматума см. М. О., т. V, док. № 12. Текст ответа — М. О., т. V, док. № 74.

Эти документы не могли быть Покровскому неизвестны, а, между тем, он их либо совершенно опустил в своих статьях, либо придал им того решающего значения, которое они имеют. Они настолько общеизвестны, что мы ограничимся указанием важнейших из них.¹

Из них вытекает, что австро-венгерское правительство немедленно после получения известия об убийстве Франца-Фердинанда, решило использовать Сараевское покушение для того, чтобы „основательно свести счеты с Сербией“, ультимативно предъявить Сербии заведомо невыполнимые требования и при отклонении их разгромить Сербию военной силой. Германское правительство было немедленно информировано об этих настроениях „у серьезных людей“ в Вене и не только не сдерживало „более драчливую союзницу“ (как называет Австрию Покровский), но, наоборот резко одернуло посла в Вене Чиршки, который, действительно, вначале, не зная настроений кайзера, пробовал предостерегать австро-венгерское правительство от „слишком поспешных шагов“.² С этого времени позиция Чиршки резко изменилась и он, как пишет в своей депеше, не перестал повторять, „что мой император будет стоять за каждым твердым решением Австро-Венгрии“.³

Документально установлено, что раньше, чем принять ответственное, угрожающее общеевропейской войной, решение о выступлении против Сербии, австрийское правительство запросило согласие у Германии. В Берлин был послан граф Гойос с личным письмом Франца Иосифа кайзеру и с заранее составленным меморандумом о целях австрийской политики на Балканах. Австро-Венгерское правительство получило, как от кайзера, так и от канцлера ответ, заключающий в себе не только поощрение, но и энергичное побуждение к решительным действиям.

Для нас чрезвычайно важна мотивация германского ответа, так как она с полной ясностью вскрывает, почему у Германия летом 1914 г. взяла на себя инициативу разрубить мечом запутавшийся узел международных отношений. Эта мотивация полностью дана в двух важнейших документах, помещенных уже в 1919 г. в вышедшем тогда трехтомном издании австро-венгерских документов.⁴ Документы эти, совершенно опровергающие все построение Покровского, это: телеграмма Сегени, австро-венгерского посла в Берлине от 5 июля и его же более подробное донесение от 12 июля 1914 г.⁵

Телеграмма от 5/VII так передает слова лично сказанные Вильгельмом.

¹ Значительная часть их приведена в данных примечаниях к сокращенному изданию „Международные отношения в эпоху империализма“.

² „Die Deutsche Dokumente zum Kriegausbruch“, изд. 1919 г., № 7, телеграмма Чиршки с пометками Вильгельма II, заключающими резкий отзыв о действиях посла.

³ Чиршки канцлеру от 2 июля 1914 г., D. D., № 11.

⁴ „Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges“, Wien, 1919.

⁵ Приведены в русском переводе в примечаниях к совр. изд. „М. О“., стр. 586 и 588—589.

„По его мнению с этим выступлением нельзя медлить. Позиция России будет во всяком случае враждебной, но она к этому готовилась в течение ряда лет, а если даже дело дойдет до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем не сомневаться в том, что Германия, верная своему союзному долгу, выполнит его и будет стоять на нашей стороне.

Впрочем, при существующем в настоящий момент положении вещей Россия еще не готова к войне и серьезно подумает, прежде чем обращаться к оружию“...

Обстоятельная мотивация дана в донесении 12/VII. Указав, что „руководящие германские круги и в немалой мере его величество сам император Вильгельм нас буквально толкают к тому, чтобы предпринять в надлежащем случае даже военные действия против Сербии“, Сегени дает пояснения этому воинственному настроению:

„По мнению Германии, которое я вполне разделяю, необходимо выбрать теперешний момент, исходя из общих политических соображений и специально из моментов, вытекающих из Сараевского убийства. В последнее время Германия еще больше укрепилась в мнении, что Россия готовится к войне против своих западных соседей и рассматривает эту войну уже не как известную возможность, а определенно считается с ней в своих видах на будущее.

Но лишь в политических расчетах на будущее время, т. е. она намерена вести войну и готовится к ней всеми силами, но в настоящий момент она не собирается воевать или вернее она еще не подготовлена. Поэтому абсолютно не установлено, что если Сербия будет вовлечена в войну с нами, то Россия поддержит ее вооруженной рукой, а если царская империя все же решилась бы, то в давнее время она далеко еще не готова в военном отношении и далеко еще не так сильна, какой она, можно предвидеть, будет спустя несколько лет. Далее германское правительство считает, что имеются верные признаки, что Англия в настоящее время не примет участия в войне, возникшей ради какой либо балканской страны, даже если бы дело дошло до войны с Россией и даже, может быть, с Францией“.

Итак у Германского правительства был расчет:

- 1) на незаконченную военную подготовку России;
- 2) на нейтралитет Англии, отношения которой с Германией в 1914 г. несколько, повидимому, улучшились, а с Россией заметно ухудшились.

Отсюда оно делало вывод: или „локализация“ австро-сербского конфликта, т. е. разгром Сербии и полная гегемония на Балканах, или — еще лучше — война против Франции и России без Англии, т. е. та комбинация, к которой Германия стремилась много лет (вспомним переговоры с Холденом), комбинация, обеспечивающая победу на континенте с тем, чтобы потом поставить на колени изолированную Англию и добиться передела мира.

Известно далее, что германское правительство сознательно

лгало утверждая будто ему неизвестно содержание австро-венгерского ультиматума, подготовлявшийся в глубокой тайне от Европы, но не от „верного союзника“.

Окончательный текст австро-венгерской ноты, повидимому, действительно не был сообщен предварительно в Берлин. Там и не высказывали желания узнать его, предоставив союзнику формальную свободу действий. Но все существенные черты и форму готовившегося против сербов выступления знали прекрасно и, более того, торопили Австро-Венгрию, как можно скорее, произвести его, произвести раньше, чем слухи о нем проникнут в Европу. Все документы, свидетельствующие об этом приведены в издании Каутского и, следовательно не могли не быть известны Покровскому.¹

Документально известно, какой двуличный характер носила передача Германией Австро-Венгрии английских предположений о посредничестве, возникших в ходе конфликта после предъявления ультиматума. Об этом свидетельствует известная телеграмма Сегени Берхтольду от 27/VII 1914 г. В этой телеграмме австро-венгерский посол так разъясняет действительное отношение Германии к передаваемым через ее посредничество предложениям Эд. Грея:

„Германское правительство самым положительным образом заверяет, что оно отнюдь не присоединяется к этим предложениям и даже решительно высказывается против их рассмотрения, а передает их только в виде просьбы Англии.

Поступая таким образом, оно руководится тем соображением, что чрезвычайно важно не допустить Англию действовать в настоящий момент в единении с Россией и Францией“.²

Неудивительно, что при таком „умеряющем воздействии“ Германии австро-венгерское правительство поспешило объявить войну Сербии и заявить, что предложение Англии запоздало.

Мы не имеем возможности в данной статье приводить далее подавляющего числа совершенно бесспорных документов показывающих, что германское правительство играло роль прямого поджигателя войны на всех этапах конфликта, начиная с того момента, когда созрел преступный замысел вооруженной расправы в Сербии и кончая тем моментом, когда 28/VII Австро-Венгрией была объявлена Сербии война и немедленно после этого загремели пушки под Белградом. Остается удивляться, как все эти документы, опубликованные в ближайшие годы после войны, не заставили Покровского пересмотреть ту германофильскую, заведомо ложную, антиленинскую концепцию происхождения войны,

¹ См. телеграмма Чиршки от 10/VII 1914 г. с пометками Вильгельма, D. D., т. I, № 29.

Донесение баварского поверенного в делах из Берлина председат. совета министров от 18/VII 1914 г., передающее основные требования австрийского ультиматума, которые следовательно, были уже известны в Берлине. D. D., т. IV, № 2.

² Русский перевод текста первоначально полученного в австрийском издании 1919 г., дан во II т. Сиднея Фея, стр. 263 и в сокр. изд. М. О. прим. 125.

Указанная мысль многократно повторяется в длинном донесении Сегени.

которую он, как мы видели, составил еще в 1915 г. и сохранил в существенных чертах до конца.

4) Следуя ей, Покровский в своих статьях всегда замалчивал те шаги, которые русская дипломатия делала в ходе конфликта для того, чтобы предотвратить возникновение общеевропейской войны. А между тем, некоторые вполне определенные шаги для того, чтобы избежать, пугавшей своим конечным исходом, кровавой развязки были русским правительством сделаны.

Несомненно, эти шаги вытекали не из принципиального „миролюбия“ царского правительства. Как мы уже указывали русский военно-феодальный империализм преследовал в своей внешней политике далеко идущие агрессивные цели. Но в 1914 г. ситуация была такова, что для стран Антанты выгоднее было отложить на некоторый срок вооруженную развязку, не делая в то же время никаких существенных уступок противнику.

Поэтому с самого начала конфликта русское правительство, опираясь на поддержку Франции, заняло твердую позицию: ни при каких условиях не допустить полного подчинения Сербии австрийской политике или ее военного разгрома. Но уже тот факт, что русское и французское правительство заранее постарались поставить в известность австро-германский блок о своем решении,¹ был достаточным предупреждением, что на пресловутую локализацию конфликта рассчитывать нечего, что угроза общеевропейской войны налицо.

В то же время державы согласия настаивали (и, несомненно, не только для отклонения с себя ответственности, как утверждает Покровский, но и по существу — об этом свидетельствует сербский ответ) на том, чтобы Сербия проявила в отношении к Австро-Венгрии осторожность и уступчивость. Русское правительство шло в этом отношении настолько далеко, что как известно, на совете министров при обсуждении вопроса об австрийском ультиматуме было принято (наряду с решением о мерах военной подготовки в случае обострения конфликта) решение: „посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного выступления А. В., не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое последует, а заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав“.²

Да, несомненно Россия обещала Сербии вооруженную поддержку в случае войны, но несомненно также, что русское правительство до самого начала австро-сербской войны отстранивало

¹ Австрийское правительство, как известно, не только скрывало подготовку ультиматума, но и обманывало европейские правительства относительно своих намерений (см. успокоительное донесение Шебеко из Вены от 8/VII 1914 г., или подлинную запись Министерств внутрен. дел о беседе Сазонова с Сапари 18 июля). Поэтому выступление послов согласия в Вене с предупреждением запоздало — ультиматум был вручен. Но в беседе с Пуанкаре австро-венг. посол получил определенное предостережение.

² Особый журнал Совета министров от 24/VII 1914 года.
М. О. сокр. изд., № 293.

мобилизационные мероприятия и цеплялось за всякие предложения, дававшие возможность компромиссно уладить конфликт. Для Покровского все эти факты ничего не значат; все его внимание сосредоточено только на одном моменте в ходе конфликта: Россия — неоднократно повторяет он — первая объявила общую мобилизацию; этим она сорвала дальнейшие переговоры, русская мобилизация означала войну. Мы не имеем возможности в данной статье исчерпывающим образом рассмотреть вопрос о русской общей мобилизации, породивший огромную дискуссионную литературу, но для нас важно отметить, что Покровский в своих статьях опустил целый ряд важных фактов, освещающих дело с другой стороны.

а) Прежде всего отметим умолчание Покровского об обстоятельствах, вызвавших русскую общую мобилизацию. Последняя была объявлена не только после того, как Австро-Венгрия объявила войну Сербии и начала бомбардировку Белграда, но и после того, как германский посол Пурталес заявил Сазонову — от имени своего правительства, что Германия ответит мобилизацией (а германская мобилизация согласно плана германского штаба действительно означала немедленное стремительное военное наступление) на всякие мобилизационные мероприятия России, т. е. не только на общую, но и на частичную, направленную против Австрии, мобилизацию.¹

Вот при каких условиях приходилось царскому правительству выбирать между общей мобилизацией и частичной.

При этом решение принималось при явном воздействии военных кругов (Янушкевич, Сухомлинов и др.), которые были склонны переоценивать готовность царской России к войне и бряцать оружием (вспомним инспирированные Сухомлиновым статьи в „Биржевых Ведомостях“.

Решение принималось в условиях шовинистического угара, усиленно раздуваемого буржуазной прессой всех оттенков от „Нового Времени“ до „Русского слова“ и „Речи“. Решение принималось, далее, в тех условиях, когда неудержимый рост рабочего движения создавал двойственную ситуацию для царского правительства: с одной стороны общей мобилизации боялись — Столыпин предупреждал ведь в свое время об опасности революционного взрыва, при объявлении мобилизации, с другой стороны, являлась надежда, что в военных условиях будет легче репрессиями подавить движение на милитаризованных заводах.

При этом необходимо еще учесть, что частичная мобилизация, действительно, была в русских условиях 1914 года технически трудно осуществимой; во всяком случае она должна была безнадежным образом запутать все планы и сделать в дальнейшем проведение общей мобилизации, если бы она понадобилась (а в том, что она понадобится, трудно было сомневаться) безнадежно медленным и громоздким делом.

¹ См. инструкция канцлеру в Д. Д. т. II, № 342 и запись о сообщении Пурталеса в „Поденной записи Мин. ин. дел“ („М. О. “сокр. изд., № 377). Сличение этих документов делает неоспоримым, что беседа с Пурталесом передана в Поденной записи правильно.

В этом вопросе о мобилизационных планах России 1914 года нет оснований не доверять военным специалистам Добровольскому и Данилову. Да помимо их мнения можно сослаться и на тот факт, что еще в 1892 году при заключении Франко-русской военной конвенции начальник генерального штаба Обручев заявил, что для России, в случае войны с Австрией, невозможно ограничиться частичной мобилизацией, а необходимо провести общую.¹

б) Придавая решающее значение тому, что Россия провела общую мобилизацию, Покровский умалчивает о важных документах, свидетельствующих о том, что еще до получения известия об ее объявлении, решение мобилизоваться и воевать было уже принято германскими военными кругами. Действительно, в то время, как канцлер Бетман-Гольвег вел переговоры с Веной и настаивал (после того, как определенно выяснилась реальная угроза войны не только с Россией и Францией, но и с Англией) на принятие предложения кайзера, известного под именем „halt im Bielgrad“—остановки в Белграде, предложения тоже неприемлемого для Сербии и России,— в это время германский генеральный штаб решительно побуждал Австро-Венгрию не соглашаться ни на какие уступки и идти напролом. В мемуарах начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада приведена телеграмма Мольтке, посланная в ночь с 30 на 31/VII (т. е. до получения известия о русской общей мобилизации). Мольтке в ней пишет: „Держитесь до конца против мобилизации русской (речь идет пока о частичной русской мобилизации). Надо спасти А.-В. и немедленно мобилизоваться против России. Германия произведет мобилизацию. Италию склоните посредством компенсаций к выполнению долга союзника“. В ту же ночь австрийский военный... атташе телеграфировал еще определеннее о намерениях германского генштаба. Его телеграмма заканчивается словами: „Отклоните снова предпринимаемые Англией шаги к сохранению мира. Европейская война — последнее средство спасти А.-В. Германия безусловно идет с нами.“²

Итак, австро-германские военные круги еще в ночь на 31/VII считали войну неминуемым и желательным решением вопроса. Не приходится говорить, что их удельный вес в германской политике в это время (как и во время войны) был не меньшим, а большим, чем вес гражданской власти, представленной растерявшимся канцлером.³ Соображения военной техники стали играть после того, как загремели пушки под Белградом, решающую роль. А эти соображения толкали Германию на то, чтобы, используя свои военные преимущества, как можно стремительнее нанести удар, а Россию на то, чтобы, при известных медленных сроках мобилизации царской армии, как можно раньше, ее начать.

в) Покровский придавал русской общей мобилизации значе-

¹ См доведение Буадеффра в „L' alliance franco-russe“ „P“ 1918, стр. 73.

² Conrad „Aus meiner Dienstzeit“ т. IV, стр. 152.

³ Известно заявление выразившееся у Бетман-Гольвега на заседании прусского совета министров 30/VII — „Управление потеряно и камень покатылся“ (Der Stein ins Rollen geraten) см. D. D. т. II, № 456.

ние равносильное объявлению войны. При этом он ссылаясь (а за ним и другие германофильствующие авторы) на беседу Обручева с ген. Буадефвром во время заключения франко-русской военной конвенции 1892 г. Между тем эта ссылка совершенно несостоятельна, если не цитировать оторванно от общего контекста слов Обручева, а прочитав полностью все донесения Буадеффра. Выясняется, что ситуация, которую имели в виду составители конвенции 1892 г., была принципиально иной, чем та, которая сложилась в 1914 г. Авторы конвенции стояли на точке зрения оборонительного союза. Генер. Ванновский, русский военный министр, неоднократно высказывал опасения, не захочет ли Франция использовать конвенцию для того, чтобы ускорить события и начать войну. Эти соображения были одним из затруднений при подписании конвенции и чтобы преодолеть их генерал Буадефвр неоднократно давал заверения в миролюбии французского правительства. Планы немецкого генер. штаба были России известны. Они уже в то время предполагали стремительное нападение Германии, немедленно следующее за объявлением мобилизации. И вот именно эти обстоятельства и имели в виду авторы конвенции, когда утверждали, что австро-германская мобилизация равносильна началу войны, и что в ответ на нее надо немедленно мобилизоваться и начать военные действия. Итак, слова „мобилизация означает войну“ относились к австро-германской мобилизации. Никакого союзного обязательства между Россией и Францией немедленно после объявления мобилизации воевать не было.¹ Русская мобилизация при, хорошо известных в Германии, медленных темпах ее проведения угрозы непосредственного начала военных действий и русского вторжения для Германии, не создавала. Но заблаговременное ее проведение, действительно, лишало Германию важного преимущества: предусмотренной планом Шлиффена возможности стремительным нападением сокрушить Францию раньше, чем Россия будет готова.

Правильно освещает вопрос французский историк Ренувэн, когда говорит: „Во время переговоров о военной конвенции между Францией и Россией было обусловлено, что немецкая или австрийская мобилизация будет рассматриваться, как определенный знак военных действий „Мобилизация это объявление войны“. Это не означало, что русская мобилизация была в глазах французов равносильна объявлению войны, и что вследствие этого французское правительство было обязано в 1914 г. начать военные действия, или Россия рассматривала себя, как обязанная их начать“.²

И самое важное, объявление русской общей мобилизации давало в руки германскому правительству незаменимый предлог изобразить Россию нападающей страной. Этот предлог был важен для внешней политики (еще сохранились некоторые надежды на нейтралитет Англии) и еще важнее был для воздействия на

¹ См. L' *alliance franco-russe*. Донесение Буадеффру военному министру №№ 53, 54, 55, 56 — 71.

² „Renuvin, Les origines immédiates de la guerre“ P. 1927, p. 309.

массы социал-демократических рабочих, для обмана масс сказкой об оборонительной войне. Поэтому, получив этот предлог в руки, германское правительство поспешило предъявить ультиматум и начать заранее решенную войну.

Нет никаких оснований для советских историков оправдывать правительство царской России и снимать с него ту ответственность за возникновение империалистической войны, которая лежит на нем, как и на правительствах и правящих классах других империалистических государств. Но надо решительно отвергнуть мнение Покровского о том, что России принадлежала ведущая роль в возникновении войны летом 1914 года.

Эта инициатива от начала конфликта до конца принадлежала наиболее хищнической, молодой империалистической державе — Германии. Поспешное проведение русской общей мобилизации было прежде всего показателем не преимущественной агрессивности царской России, а ее отсталости, той отсталости военной, культурной, государственной, промышленной, сельскохозяйственной, на которую указывал товарищ Сталин, как на причину поражений царской России. Эта отсталость сказалась и в кризисные дни: нельзя было провести частичную мобилизацию, чтобы не запутать мобилизацию общую; надо было, взваливая на себя страшную ответственность, спешить с проведением общей мобилизации, чтобы не застиг врасплох медлительную бездорожную, отсталую царскую Россию сильный, всегда готовый к нападению противник.

Подведем некоторые итоги.

1. Мы стремились показать в своей статье, что Покровский в анализе причин войны исходил из неверной антиленинской теории империализма. Насколько можно составить представление по отрывочным и часто противоположным высказываниям Покровского, его представление об империализме близко к люксембургской теории империализма. Исходя из него, Покровский не учел своеобразия монополистической стадии развития капитализма, не положил во главу угла при установлении причин войны закон неравномерности развития и вытекающую из него борьбу за передел мира и, как следствие этого, совершенно обошел ту роль, которую играла Германия в подготовке мировой войны.

II. Покровский игнорировал наличие национального момента в возникновении империалистической войны. Поэтому он не дал полного анализа австро-русских и австро-сербских противоречий и не понял действительной сущности и хода австро-сербского конфликта, сведя его к роли случайного повода к войне.

Тов. Сталин еще в 1912 году, характеризуя внутреннее положение в Австро-Венгрии, указывал, что „национальный вопрос составляет там ось политической жизни, вопрос существования“ (Марксизм и колониально-национальный вопрос, 1934, стр. 18). Покровский игнорировал в своих статьях о войне гениальные исследования Ленина и Сталина по национальному вопросу.

III. Покровский писал свои статьи о войне в острой полемике с апологетами Антанты; он ставил своей задачей разоблачить

преступную роль царизма в возникновении войны. Преследуя эту цель Покровский замолчал тот основной факт, что еще более преступную роль в возникновении войны играл германский империализм, действительный инициатор военного столкновения. Покровский обошел молчанием ряд важнейших, опубликованных в его время, документов, неправильно истолковал другие (например, договор о франко-русской конвенции), придал доверие совершенно необоснованным заявлениям (например в вопросе о Сараевском убийстве); короче говоря, Покровский во имя определенной тенденции, исказил историческую правду о происхождении войны.

В результате у него получилась совершенно ложная, анти-ленинская, антинаучная концепция. Неудивительно, что история происхождения войны в изложении Покровского совпадает в ряде наиболее существенных пунктов с той фальсификацией истории, которую распространяют в своих так называемых исследованиях и учебниках германские фашисты, эти преступные поджигатели новой империалистической войны.

Этот факт ставит перед советскими историками задачу в одном из кардинальных вопросов новой истории — в вопросе о войне 1914—1918 гг. самым основательным образом ликвидировать все остатки воззрений Покровского и его, так называемой, школы и, на основе гениальных указаний Ленина и Сталина, на основе огромной вышедшей в свет публикации документов дать наконец полную, конкретную, правдивую историю возникновения мировой империалистической войны.

Этого не в состоянии сделать буржуазная историография — у нее нет для этого соответствующего методологического вооружения, она связана до сих пор империалистической традицией. Это могут и должны сделать советские историки. Задача всестороннего изучения происхождения мировой войны 1914—1918 гг. — политически актуальная задача. Правительство фашистских варваров в Германии является в деле разжигания новой империалистической войны прямым преемником традиций гогенцоллерневского правительства. Выясняя условия в которых возникла война 1914—1918 года, надо в то же время напомнить зарвавшимся фашистам, что эти условия кардинально изменились, что теперь Германии противостоит не бездорожная, технически отсталая, раздираемая внутренними противоречиями, зависящая от иностранного капитала возглавляемая ненавистным народу царским правительством, Россия, — а могучий, гордый сознанием своей технической и политической мощи, сильный народным единством и преданностью своему правительству и руководящей партии, Советский Союз. И не может возникнуть теперь никаких сомнений, что провоцируемая фашистами война, если они осмелятся ее начать, закончится для Германии еще более, тяжким разгромом, чем в 1918 году. С той разницею, что теперь германский пролетариат, наученный горьким историческим опытом минувшего двадцатилетия, уже не повторит ошибок революции 1918—1919 гг., а несомненно, доведет пролетарскую революцию до конца, — до установления в Германии советской социалистической республики.